Исповедь бывшей послушницы

Автор:
Мария Кикоть

Исповедь бывшей послушницы

Мария Кикоть

Религия. Война за Бога

Полная версия истории бывшей послушницы, прожившей несколько лет в одном из известных российских женских монастырей. Эта книга была написана не для публикации и даже не столько для читателей, сколько прежде всего для себя, с терапевтическими целями. Автор рассказывает, как попробовала идти по пути монашества, попав в образцово-показательный монастырь. Она никак не ожидала, что святая обитель окажется похожей на тоталитарный ад и заберет столько лет существования. «Исповедь бывшей послушницы» – это жизнь одного современного женского монастыря как она есть, описанная изнутри, без прикрас.

Мария Кикоть

Исповедь бывшей послушницы

© Кикоть М. В., текст, 2017

© Чепель Е. Ю., предисловие, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Книги серии «Религия. Война за Бога»

«Превыше всего. Роман о церковной, нецерковной и антицерковной жизни»

Жизнь в церкви, как она есть. Эта книга – открытое окно в российскую церковную жизнь XXI века, через которое каждый может увидеть основные ее узлы, линии разлома и те повороты, которые, возможно, оказались роковыми. О провокаторах и праведниках, о мощи админресурса и силе совести, о загребущих щупальцах зла и узком пути к незакатному Свету.

«Эпоха пустоты»

Лучшая книга года по версии Publishers Weekly. Холодный и незащищенный мир, в котором нет Бога – можно ли жить в таком мире, сохраняя уверенность в себе, надежду и энтузиазм? Фридрих Ницше, Уильям Джемс, Боб Дилан и другие великие люди нашли иной смысл нашего существования.

«Войны за Иисуса: Как церковь решала, во что верить»

Всемирно известный историк Филипп Джекинс представляет книгу о самой темной и загадочной эпохе в истории христианства. Интриги, заговоры, разборки, насилие и хаос в древней церкви ? победители в войнах за Иисуса решили, во что и как будут верить все христиане.

«Жизнь без бога. Где и когда появились главные религиозные идеи, как они изменили мир и почему стали бессмысленными сегодня»

Как появились представления о божественной сущности? Почему в религиозной жизни так много невежества? Делает ли вера совершеннее человека и мир? Эта книга – новое слово в вечном разговоре о вере и неверии. Она дает ориентир: главное в жизни с Богом или жизни без Бога – это жизнь, а религиозные представления могут сбить нас с курса на здравый смысл и духовную зрелость.

Вступление

Когда ты нашел смысл и истину в православии, то всё и все вокруг обещают (да и сам надеешься), что принадлежность к церковному сообществу и доверие старшим дают гарантии. Делай так-то и так-то, тогда спасешься – таких рецептов можно много прочесть во всякой благочестивой литературе. И вот, вроде все делал правильно, как в книжке написано, как батюшка благословил, вроде исполнял волю Божию… А получилось…

Книга Марии Кикоть – это попытка осмыслить, почему послушница превратилась в «бывшую» и ушла из образцово-показательного монастыря, куда ее благословил поступить духовный отец. Автор рассказывает, как в 28 лет она стала православной и попробовала идти по пути монашества, никак не ожидая, что святая обитель окажется тоталитарным адом. В книге нет какого-то остросюжетного «экшна» или интриги. Но жизнь женского монастыря как она есть, описанная изнутри, без прикрас, производит очень сильное впечатление.

«Исповедь бывшей послушницы» была написана автором не для публикации и даже не столько для читателей, сколько прежде всего для себя, с терапевтическими целями. Но повесть мгновенно срезонировала в православном рунете и, как многие заметили, произвела эффект бомбы. Оказалось, что «бывших» много. Оказалось, что бесправие послушниц и монахинь, безразличие начальства к их психическому и физическому здоровью, душевные страдания и поломанная жизнь – это не исключение, а скорее типичная ситуация для современной России. И автору удалось рассказать обо всем этом так, что заткнуть уши уже как-то не получается.

После того как Мария опубликовала свою «Исповедь» частями в Живом Журнале, ей ответили десятки женщин и мужчин: чтобы подтвердить истинность ее слов, чтобы дополнить их своими историями, чтобы поблагодарить за смелость и

решимость. Получилось нечто похожее на флешмоб #янебоюсьсказать о пережитом сексуальном насилии, который недавно потряс русскоязычное интернет-сообщество. Только в рассказе Марии речь идет о насилии эмоциональном – о манипуляции людьми, которое и мучители, и жертвы выдают за истинную святоотеческую традицию православного монашества.

Нашлись, конечно, и критики. В чем бы Марию ни обвиняли, я не думаю, что она нуждается в защите или оправдании. История этой книги говорит сама за себя – своей искренностью и простотой она случайно попала в какое-то сокровенное место системы, и защищать его будут даже вопреки здравому смыслу. Но о некоторых упреках в адрес автора я все-таки упомяну. Кто-то заметил, что заглавие не соответствует содержанию: в «Исповеди» нужно-де писать о своих грехах, а тут не видно укорения себя и раскаяния. Это, однако, не так. Нелишне вспомнить, что в православии (только настоящем, а не тоталитарном) исповедь (или покаяние) это таинство деятельного изменения себя, своей души через осознание своих ошибок, процесс, в котором Бог сотрудничает с человеком. Я вижу в книге Марии именно такую перемену ума – так переводится греческое слово «метанойя», покаяние – в отношении себя, своей веры и своего опыта. Другое сомнение некоторых читателей – в правдивости рассказанного. Тут можно и не комментировать – мне, скажем, вполне достаточно публичных свидетельств нескольких человек, непосредственно связанных с монастырем и упомянутых в повести. Скорее даже наоборот – Мария о многом умолчала: где-то по недостатку памяти, где-то из опасения навредить людям. Об этом она и сама пишет у себя в ЖЖ.

Самый успешный российский православный интернет-портал взял несколько интервью-комментариев по поводу «Исповеди» у нынешних игуменов и монахов РПЦ. Практически все они попытались оправдать монастырь и описанные в нем порядки, а автора обвинили в непорядочности и в отсутствии смирения и терпения. Один из респондентов, наместник Валаамского монастыря епископ Панкратий, не читавший повесть, выразил недоумение, почему же сестры до сих пор не ушли из такой обители, и посоветовал всем из плохого монастыря разбегаться. Если бы он все-таки прочитал «Исповедь», то он бы мог в деталях узнать о механизме превращения людей в безвольных и преданных рабов, который так прекрасно описан Марией и на уровне психологической зависимости, и на уровне материального бесправия. Сопротивляться построенной системе, когда ты уже попал внутрь, практически невозможно. А те, кому удается сбежать и справиться с чувством вины от того, что нарушил благословение игумении (а значит, конечно, и «волю Божию»), остаются наедине со своей собственной десоциализацией и депрофессионализацией, случившейся

за годы пребывания в монастыре. Поэтому многим ничего не остается, как «покаяться» и вернуться. Но неужели епископ Панкратий, сам монах, который провел немало времени в церкви и знает о монастырской жизни значительно больше, чем кто-либо другой, ничего об этом не слышал?

Многие ответы-апологии прямо или косвенно доказывают правдивость книги. Это, например, письмо девяти игумений в защиту монастыря, подписанное его «выпускницами», духовными дочерьми игумении Николаи, которые теперь сами стали настоятельницами в российских женских обителях. В этом письме – даже если отвлечься от стилистики доноса в лучших советских традициях – матушки сообщают, что на самом-то деле в монастыре есть и сауна, и сыроварня, и аптека, и заграничные поездки для детского хора, и богатые трапезы… Но все эти атрибуты эффективного менеджмента для гостей и спонсоров никак не опровергают, а, напротив, подтверждают многие подробности, описанные Марией. Они лишь усиливают впечатление, что внешнее благолепие в нынешней церковной системе оказывается для кого-то из церковных руководителей важнее, чем возрастание верующих людей во Христе.

Ни сама игумения Николая, ни вышестоящее церковное начальство пока никак не прокомментировали появление «Исповеди». А ответы разных других батюшек и матушек сводятся, по сути, к тем же советам ни о чем, которые в книге давал Марии ее духовник отец Афанасий: смиряйся, терпи, кайся. Почему-то все они не могут или не хотят защитить вверенную им на попечение душу, что, вообще-то, и есть их первая пастырская обязанность (а вовсе не отстаивание корпоративных интересов).

Почему же такая бурная реакция? Очевидно, «Исповедь» задела какой-то ключевой узел современного российского православия. Главная ниточка в этом узле, за которую невольно потянула Мария – послушание начальнику, которое делается высшей и фактически единственной добродетелью. Мария показывает, как «послушание», «смирение» и «благословение» становятся инструментами манипуляции и создания концлагеря для тела и души. Тема манипуляции в современной РПЦ недавно была поднята в публичной лекции психотерапевта Наталии Скуратовской, которая, кстати, тоже вызвала возмущение у некоторых верующих (правда, вопрос: верующих во что?). Смысл их возмущения сводился примерно к следующему: манипуляции в Святой Церкви? Да как вы могли осмелиться сказать такое?!

Между тем Мария в своей книге рассказывает именно о том, как старец, игумения, духовник злоупотребляют своей властью над доверившимися им людьми. А средство манипуляции здесь – это искреннее стремление человека к истине и поиск Бога. Это страшно. Тут вспоминаются слова Евангелия, что есть грехи, которые не простятся ни в сем веке, ни в будущем. Вопрос, который возникает у нормального человека: как получилось, что мы так далеко зашли в поисках православной жизни, что апологеты игумении пеняют Марии на то, что она недостаточно возлюбила вот это вот все и потому сама виновата, что свернула со спасительного пути? Где и когда произошла и происходит подмена истины корпоративностью и субкультурой?

Другая ниточка – это монашество. Вроде как считается, что в миру все мирское и, соответственно, требования к чистоте жизни и служения ниже, тогда как у монахов – повышенная концентрация святости или по крайней мере борьбы с грехом. Если в обычном приходе в миру творится черт-те что – поп, например, корыстный, и духовной жизни ни у кого не наблюдается, – то это, в общем, объяснимо. Ведь все мы грешные и живем среди соблазнов и искушений мира. А вот когда оказывается, что у монахинь ангельского образа, невест Христовых, которые специально собрались, чтобы спасаться и духовно возрастать, в специальное место, где они ограждены от мирских страстей и где должны быть все условия подвизаться – вот если у них не только процветает порок, но и приобретает еще более уродливые формы, чем в миру… Опять впору задуматься, что же происходит с РПЦ. Эта книга как минимум развенчивает миф о какой-то особенной святости монастырской жизни. Монахини – обычные люди, причем как они пришли в монастырь обычными, так обычными и остаются, а святыми не становятся. И что гораздо важнее – рассыпается иллюзия безусловной спасительности пребывания в монастыре. Если в монастыре что-то пошло не так, то как бы тебя ни благословляли на подвиг старцы, как бы ты ни смирялся и ни терпел, скорее всего, ты нанесешь своей душе вред, и есть все шансы, что непоправимый. Поэтому спасибо Марии за книгу-предупреждение: теперь есть надежда, что те, кто ее прочтет, не будут уже слепо доверять своим духовным лидерам, не отступятся под их давлением от себя, от своей души, от своих собственных отношений с Богом, от своего призвания (монашеского или иного). А для уже ушедших из монастыря «Исповедь» будет поддержкой на пути к реабилитации. Потому что за этим текстом стоит огромная внутренняя работа с собой, со своим сознанием, отравленным в деструктивной среде. Это тяжелый период возвращения к жизни, к профессиональной деятельности, к близким. Спасибо Марии и за этот труд, проделанный ради себя, но в итоге ради читателей и нас всех. Не будь его, такая книга не могла бы быть написана и не могла бы быть написана именно так – чтобы через положительный опыт

преодоления созидать в читателях что-то хорошее.

И особенно с пользой для себя прочтут эту книгу любители православной аскетики. Дело в том, что «Исповедь» помогает в приобретении такой святоотеческой добродетели, как рассуждение помыслов, страстей и добродетелей (см. «Лествица», Слово 26), то есть умения различать настоящее от подложного, истинных пастырей от волков, вредное для души от полезного, нормальную духовную пищу от яда. А у православного мейнстрима в нашей стране с этой добродетелью вообще все не очень хорошо и уже давно (как минимум с 20–30-х годов XX века, когда многие верующие из ложно понятого послушания поддержали свое церковное начальство, которое поддержало коммунистов-безбожников). Кстати, о «Лествице» автор пишет с какой-то особой горечью – это одна из немногих ярких эмоций в книге (так-то вообще «Исповедь» написана сдержанно и по-деловому). Автор спрашивает: кто разрешает продавать такую прекрасную рекламную брошюру монашества, как «Лествица», в каждой церковной лавке? Но повесть Марии не оставляет ощущения, что монашество по святым отцам исчерпывается страхом и рабством, которые устроила у себя в монастыре игумения. Это видно в размышлениях автора, в цитатах святых отцов, которые она приводит. За ними стоит, как мне кажется, простой вопрос: пережитое бывшей послушницей в монастыре – это и есть то самое, о чем говорится у аввы Дорофея, Игнатия (Брянчанинова), Илариона (Домрачева) (автора «На горах Кавказа»), у того же Иоанна Лествичника?

Может быть, Мария со мной и не согласится, но «Исповедь бывшей послушницы» – это все-таки тоже реклама монашества, только другого, того, о котором она прочитала в книгах. О многих вещах в своей монашеской жизни автор говорит с большой любовью: немноголюдные службы без торжественности, молитва, осмысленная работа, общение с некоторыми сестрами, забота о животных, ее обращения к Богу, к Евангелию, старания хранить верность монашескому призванию, – все это ей удавалось осуществить, хоть и не благодаря монастырю, а вопреки. Все это помогало ей там выживать и не отчаиваться, хотя и отложило, видимо, ее окончательный уход. Но почему нельзя все эти вещи делать на тот же монашеский лад, но без монастырских стен? В какой-то момент мне даже показалось, что решение найдено – когда Мария с другой монахиней оказались «на свободе» и могли бы продолжать жить монашеской жизнью вдвоем, помогать друг другу, совершать службы самостоятельно, молиться… На фотографиях этого периода, которые Мария тоже выложила у себя в ЖЖ, видна какая-то особенная радость.

Я могу только пожелать нам всем, несмотря на всю утопичность такого пожелания, чтобы повесть Марии о том, как воплощаются идеалы древнего монашества в современных монастырях, продавалась в каждой церковной лавке в комплекте с «Лествицей». Пусть человек, который захотел попробовать жить по-монашески, почитает одно, почитает второе и сделает для себя выбор: мне в какое православие, в какое монашество из этих двух?..

Если бы Мария до того, как стала послушницей, прочитала этот рассказ – что было бы тогда? Помог бы он ей избежать ошибки, но все-таки осуществить свое стремление к монашеской жизни? Если хотя бы одному человеку это удастся после прочтения «Исповеди», значит, бомба попала в стену, загородившую от нас свет.

Алена Чепель, главный редактор сайта «Острова»

Исповедь бывшей послушницы

Всегда побаиваются тех, кто жаждет властвовать над душами. Что они делают с телами?

Станислав Ежи Лец

1

На улице было уже почти темно, шел дождь. Я стояла на широком белом подоконнике огромного окна в детской трапезной с тряпкой и средством для мытья стекол в руках, смотрела, как капли воды стекают по стеклу. Невыносимое чувство одиночества сдавливало грудь и очень хотелось плакать. Совсем рядом дети из приюта репетировали песни для спектакля «Золушка», из динамиков гремела музыка, и как-то стыдно и неприлично было разрыдаться посреди этой огромной трапезной, среди незнакомых людей, которым совершенно не было до меня дела.

Все с самого начала было странно и неожиданно. После долгой дороги на машине из Москвы до Малоярославца я была ужасно уставшей и голодной, но в монастыре было время послушаний (то есть рабочее время), и никому не пришло в голову ничего другого, как только – сразу же после доклада о моем приезде игумении – дать мне тряпку и отправить прямо в чем была на послушание со всеми паломниками. Рюкзак, с которым я приехала, отнесли в паломню – небольшой двухэтажный домик на территории монастыря, где останавливались паломники. Там была паломническая трапезная и несколько больших комнат, где вплотную стояли кровати. Меня определили пока туда, хотя я не была паломницей, и благословение Матушки на мое поступление в монастырь было уже получено через отца Афанасия, иеромонаха Оптиной пустыни. Он благословил меня в эту обитель.

Все с самого начала было странно и неожиданно. Невыносимое чувство одиночества сдавливало грудь – и очень хотелось плакать

После окончания послушаний паломницы вместе с матерью Космой – инокиней, которая была старшей в паломническом домике, начали накрывать на чай. Для паломников чай был не просто с хлебом, вареньем и сухарями, как для насельниц монастыря, а как бы поздний ужин, на который в пластмассовых лотках и ведерках приносились остатки еды с дневной сестринской трапезы. Я помогала матери Косме накрывать на стол, и мы разговорились. Это была довольно полная, шустрая и добродушная женщина лет пятидесяти пяти, мне она сразу понравилась. Пока наш ужин грелся в микроволновке, мы разговаривали, и я начала жевать кукурузные хлопья, стоявшие в открытом большом мешке возле стола. Мать Косма, увидев это, пришла в ужас: «Что ты делаешь? Бесы замучают!» Здесь строжайше было запрещено что-либо есть между трапезами.

После чая мать Косма отвела меня наверх, где в большой комнате стояли вплотную около десяти кроватей и несколько тумбочек. Там уже расположились несколько паломниц и стоял громкий храп. Было очень душно, и я выбрала место у окна, чтобы можно было, никому не мешая, приоткрыть форточку. Заснула я сразу, от усталости уже не обращая внимания на храп и духоту.

Утром нас всех разбудили в 7 утра. После завтрака мы уже должны были быть на послушаниях. Был понедельник Страстной седмицы, и все готовились к Пасхе,

мыли огромную гостевую трапезную. Распорядок дня для паломников не оставлял никакого свободного времени, общались мы только на послушании, во время уборки. Со мной в один день приехала паломница Екатерина из Обнинска, она была начинающей певицей, пела на праздниках и свадьбах. Сюда она приехала потрудиться во славу Божию и спеть несколько песен на пасхальном концерте. Было видно, что она только недавно пришла к вере и находилась постоянно в каком-то возвышенно-восторженном состоянии. Еще одной паломницей была бабушка лет шестидесяти пяти, Елена Петушкова. Ее благословил на поступление в монастырь ее духовник. Работать ей в таком возрасте было тяжелее, чем нам, но она очень старалась. Раньше она трудилась в храме за свечным ящиком где-то недалеко от Калуги, а теперь хотела стать монахиней. Она очень ждала, когда матушка Николая переведет ее из паломни к сестрам. Елена даже после трудового дня перед сном читала что-нибудь из святых отцов о монашестве, о котором она мечтала уже много лет.

* * *

Сестринская территория начиналась от ворот колокольни и была ограждена от территории приюта и паломни, нам туда ходить не благословлялось. Там я была всего один раз, когда меня послали принести полмешка картошки. Послушница Ирина в греческом апостольнике должна была показать мне, куда идти. С Ириной мне поговорить не удалось, она непрестанно повторяла полушепотом Иисусову молитву, смотря себе по ноги и никак не реагируя на мои слова. Мы пошли с ней на сестринскую территорию, которая начиналась от колокольни и ярусами спускалась вниз, прошли по огородам и саду, который только начинал расцветать, спустились вниз по деревянной лесенке и зашли в сестринскую трапезную. В трапезной никого не было, столы стояли еще не накрытые, сестры в это время были в храме. На оконных стеклах был нарисован орнамент под витражи, через который внутрь проникал мягкий свет и струился по фрескам на стенах. В левом углу была икона Божией Матери в позолоченной ризе, на подоконнике стояли большие золотистые часы. Мы спустились по крутой лестнице вниз. Это были древние подвалы, еще не отремонтированные, с кирпичными сводчатыми стенами и колоннами, местами побеленными краской. Внизу в деревянных отсеках были разложены овощи, на полках стояли ряды банок с соленьями и вареньем. Пахло погребом. Мы набрали картошки, и я понесла ее на детскую кухню в приют, Ирина побрела в храм, низко опустив голову и не переставая шептать молитву.

Поскольку подъем для нас был в 7, а не в 5 утра, как у сестер монастыря, нам не полагалось днем никакого отдыха, посидеть и отдохнуть мы могли только за столом во время трапезы, которая длилась 20–30 минут. Весь день паломники должны были быть на послушании, то есть делать то, что говорит специально приставленная к ним сестра. Эту сестру звали послушница Харитина, и она была вторым человеком в монастыре – после матери Космы, – с которым мне довелось общаться. Неизменно вежливая, с очень приятными манерами, с нами она была все время какая-то нарочито бодрая и даже веселая, но на бледно-сером лице с темными кругами у глаз читалась усталость и даже изможденность. На ее лице редко можно было увидеть какую-либо эмоцию, кроме все время одинаковой полуулыбки. Харитина давала нам задания, что нужно было помыть и убрать, обеспечивала нас тряпками и всем необходимым для уборки, следила, чтобы мы все время были заняты. Одежда у нее была довольно странная: вылинявшая серо-синяя юбка, такая старая, как будто ее носили уже целую вечность, не менее ветхая рубашка непонятного фасона с дырявыми рюшечками и серый платок, который когда-то, наверное, был черным. Она была старшая на «детской», то есть была ответственна за гостевую и детскую трапезные, где кормили детей монастырского приюта, гостей, а также устраивали праздники. Харитина постоянно что-то делала, бегала, сама вместе с поваром и трапезником разносила еду, мыла посуду, обслуживала гостей, помогала паломникам. Жила она прямо на кухне, в маленькой комнатке, похожей на конуру, расположенной за входной дверью. Там же, в этой каморке, рядом со складным диванчиком, где она спала ночью, не раздеваясь, свернувшись калачиком, как зверек, складировались в коробках различные ценные кухонные вещи и хранились все ключи. Позже я узнала, что Харитина была «мамой», то есть не сестрой монастыря, а скорее чем-то вроде раба, отрабатывающего в монастыре свой огромный неоплатный долг. «Мам» в монастыре было довольно много, около половины всех сестер монастыря. Мать Косма тоже была когда-то «мамой», но теперь дочка выросла, и мать Косму постригли в иночество. «Мамы» – это женщины с детьми, которых их духовники благословили на монашеский подвиг. Поэтому они пришли сюда, в Свято-Никольский Черноостровский монастырь, где есть детский приют «Отрада» и православная гимназия прямо в стенах монастыря. Дети здесь живут на полном пансионе в отдельном здании приюта, учатся, помимо основных школьных дисциплин, музыке, танцам, актерскому мастерству. Хотя приют считается сиротским, чуть ли не треть детей в нем отнюдь не сироты, а дети с «мамами». «Мамы» находятся у игумении Николаи на особом счету. Они трудятся на самых тяжелых послушаниях (коровник, кухня, уборка) и не имеют, как остальные сестры, часа отдыха в день, то есть трудятся с 7 утра и до 11–12 ночи без отдыха, монашеское молитвенное правило у них также заменено послушанием

(работой). Литургию в храме они посещают только по воскресеньям. Воскресенье – единственный день, когда им положено 3 часа свободного времени днем на общение с ребенком или отдых. У некоторых в приюте живут не один, а два, у одной «мамы» было даже три ребенка. На собраниях Матушка часто говорила таким:

– Ты должна работать за двоих. Мы растим твоего ребенка. Не будь неблагодарной!

Позже я узнала, что Харитина была «мамой» – чем-то вроде раба. «Мам» в монастыре было много

Часто «мам» наказывали в случае плохого поведения их дочек. Этот шантаж длился до того момента, пока дети не вырастут и не покинут приют, тогда становился возможен иноческий или монашеский постриг «мамы».

У Харитины в приюте была дочка Анастасия, совсем маленькая, тогда ей было примерно полтора-два годика. Я не знаю ее истории, в монастыре сестрам запрещено рассказывать о своей жизни «в миру», не знаю, каким образом Харитина попала в монастырь с таким маленьким ребенком. Я даже не знаю ее настоящего имени. От одной сестры я слышала про несчастную любовь, неудавшуюся семейную жизнь и благословение старца Власия на монашество. Большинство «мам» попали сюда именно так, по благословению старца Боровского монастыря Власия или старца Оптиной пустыни Илия (Ноздрина). Эти женщины не были какими-то особенными, многие до монастыря имели и жилье, и хорошую работу, некоторые были с высшим образованием, просто в сложный период своей жизни они оказались здесь. Целыми днями эти «мамы» трудились на тяжелых послушаниях, расплачиваясь своим здоровьем, пока детей воспитывали чужие люди в казарменной обстановке приюта. На больших праздниках, когда в монастырь приезжал наш митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), или другие важные гости, маленькую дочку Харитины в красивом платьице подводили к ним, фотографировали, она с двумя другими маленькими девочками пела песенки и танцевала. Пухленькая, кудрявая, здоровенькая, она вызывала всеобщее умиление.

Часто «мам» наказывали в случае плохого поведения их дочек. Этот шантаж длился до того момента, пока дети не вырастут и не покинут приют, тогда

становился возможен иноческий или монашеский постриг «мамы».

Харитине игумения запрещала часто общаться с дочкой: по ее словам, это отвлекало от работы, и к тому же остальные дети могли завидовать.

Тогда я ничего этого не знала. Мы с другими паломницами и «мамами» с утра до вечера до упаду оттирали полы, стены, двери в большой гостевой трапезной, а потом у нас был ужин и сон. Никогда еще я не работала с утра до ночи вот так, без всякого отдыха, я думала, что это даже как-то нереально для человека. Я надеялась, что когда меня поселят с сестрами, будет уже не так тяжело.

2

Через неделю меня вызвали в храм к Матушке. От своего духовника и близкого друга моей семьи, отца Афанасия, я слышала о ней много хорошего. Отец Афанасий очень хвалил мне этот монастырь. По его словам, это был единственный женский монастырь в России, где действительно серьезно старались следовать афонскому уставу монашеской жизни. Сюда часто приезжали афонские монахи, проводили беседы, на клиросе пели древним византийским распевом, служили ночные службы. Он так много хорошего рассказывал мне об этой обители, что я поняла: если где-то подвизаться, то только здесь. Я была очень рада наконец увидеть Матушку, мне так хотелось поскорей перебраться к сестрам, иметь возможность бывать в храме, молиться. Паломники и «мамы» в храме практически не бывали.

Матушка Николая сидела в своей игуменской стасидии, которая больше походила на роскошный королевский трон, весь обитый красным бархатом, позолотой, с какими-то вычурными украшениями, крышей и резными подлокотниками. Я не успела сообразить, с какой стороны к этому сооружению мне нужно подойти: рядом не было никакого стула или скамеечки, куда можно присесть. Служба почти закончилась, и Матушка сидела в глубине своего бархатного кресла и принимала сестер. Я очень волновалась, подошла под благословение и сказала, что я та самая Мария от отца Афанасия. Матушка игумения одарила меня лучезарной улыбкой, протянула мне руку, которую я спешно поцеловала, и указала на небольшой коврик рядом с ее стасидией. Сестры могли разговаривать с Матушкой только стоя на коленях, и никак иначе. Непривычно было стоять на коленях рядом с троном, но Матушка была со мной очень ласкова, гладила меня по руке своей мягкой пухлой рукой, спрашивала,

пою ли я на клиросе и что-то еще в этом роде, благословила меня ходить на трапезу с сестрами и переехать из паломнического домика в сестринский корпус, чему я была очень рада.

Матушка Николая сидела в своей игуменской стасидии, больше походившей на королевский трон

После службы я вместе со всеми сестрами пошла уже в сестринскую трапезную. Из храма в трапезную сестры ходили строем, выстроившись парами по чину: сначала послушницы, потом инокини и монахини. Это был отдельный домик, состоящий из кухни, где сестры готовили еду, и собственно трапезной, с тяжелыми деревянными столами и стульями, на которых стояла блестящая железная посуда. Столы были длинные, сервированы «четверками», то есть на четыре человека – супница, миска со вторым блюдом, салат, чайник, хлебница и приборы. В конце зала – игуменский стол, где стоял чайник, чашка и стакан с водой. Матушка часто присутствовала на трапезе, проводила занятия с сестрами, но ела она всегда отдельно у себя в игуменской, пищу для нее готовила мать Антония – личный игуменский повар и из отдельных, специально для Матушки купленных продуктов. Сестры рассаживались вдоль столов тоже по чину – сначала монахини, инокини, послушницы, потом «мамы» (их приглашали в сестринскую трапезную, если проводились занятия, в остальное время они ели на детской кухне в приюте), потом «монастырские дети» (приютские взрослые девочки, которым благословили жить на сестринской территории как послушницам. Детям это нравилось, потому что в монастыре им давали больше свободы, чем в приюте). Все ждали Матушку. Когда она вошла, сестры запели молитвы, сели, и начались занятия. Отец Афанасий мне рассказывал, что в этом монастыре игумения часто проводит с сестрами беседы на духовные темы, существует также своего рода «разбор полетов», то есть Матушка и сестры указывают сестре, которая немного сбилась с духовного пути, на ее проступки и согрешения, направляют на правильный путь послушания и молитвы. Конечно, говорил батюшка, это непросто, и такая честь оказывается только тем, кто способен выдержать такое публичное разбирательство. Я тогда с восхищением подумала, что это прямо как в первые века христианства, когда исповедь часто была публичной, исповедующийся выходил на середину храма и рассказывал всем своим братьям и сестрам во Христе, в чем он согрешил, а потом получал отпущение грехов. Такое может сделать только сильный духом человек и, конечно, от своих собратьев получит поддержку, а от своего духовного наставника – помощь и совет. Все это совершается в атмосфере любви

и благожелательства друг к другу. Замечательный обычай, думала я, здорово, что в этом монастыре это есть.

Занятие началось как-то неожиданно. Матушка опустилась на свой стул в конце зала, а мы, сидя за столами, ждали ее слова. Матушка попросила инокиню Евфросию встать и начала отчитывать ее за непристойное поведение. Мать Евфросия была поваром на детской трапезной. Я часто видела ее там, пока была паломницей. Небольшого роста, крепкая, с довольно симпатичным лицом, на котором почти всегда было выражение какого-то серьезного недоумения или недовольства, довольно комично сочетавшееся с ее низким, чуть гнусавым голосом. Она вечно что-то недовольно бурчала себе под нос, а иногда, если у нее что-то не получалось, ругалась на кастрюли, черпаки, тележки, сама на себя и, конечно, на того, кто попадался ей под руку. Но все это было как-то по-детски, даже смешно, редко кто воспринимал это всерьез. В этот раз, видимо, она провинилась в чем-то серьезном.

Матушка начала грозно ей выговаривать, а монахиня Евфросия в своей недовольно-детской манере, выпучив глаза, оправдывалась, обвиняя в свою очередь всех остальных сестер. Потом Матушка устала и дала слово остальным. По очереди вставали сестры разного чина, и каждая рассказывала какую-нибудь неприятную историю из жизни матери Евфросии. Послушница Галина из пошивочной вспомнила, как монахиня Евфросия взяла у нее ножницы и не вернула. Из-за этих ножниц разразился скандал, потому что монахиня Евфросия никак не хотела сознаваться в этом злодеянии. Все остальное было примерно в таком же духе. Мне стало как-то немного жалко мать Евфросию, когда на нее одну нападало все собрание сестер во главе с Матушкой и обвиняло ее в проступках, большая часть которых была совершена довольно давно. Потом она уже не оправдывалась – было видно, что это бесполезно, только стояла, опустив глаза в пол и недовольно мычала, как побитое животное. Но, конечно, думала я, Матушка знает, что делает, все это для исправления и спасения заблудшей души. Прошло около часа, прежде чем поток жалоб и оскорблений наконец иссяк. Матушка подвела итог и вынесла приговор: сослать мать Евфросию на исправление в Рождествено. Все застыли. Я не знала где это Рождествено, и что там происходит, но судя по тому, как монахиня Евфросия со слезами умоляла ее туда не отсылать, стало ясно, что хорошего там было мало. Еще полчаса ушло на угрозы и увещевания рыдающей матери Евфросии, ей предложили либо уйти совсем, либо поехать в предложенную ссылку. Наконец Матушка позвонила в колокольчик, стоящий на ее столе, и сестра-чтец за аналоем начала читать книгу про афонских пустынников-исихастов. Сестры принялись за холодный суп.

* * *

Никогда не забуду эту первую трапезу с сестрами. Такого позора и ужаса, наверное, я не испытывала никогда в жизни. Все уткнулись в свои тарелки и быстро-быстро принялись за еду. Мне не хотелось супа, и я потянулась к миске с картофелем в мундире, стоящей на нашей «четверке». Тут сестра, сидящая напротив меня, вдруг несильно шлепнула меня по руке и погрозила пальцем. Я отдернула руку: «Нельзя… Но почему?» Я так и осталась сидеть в полном недоумении. Не у кого было спросить, разговоры на трапезе были запрещены, все смотрели в свои тарелки и ели быстро, чтобы успеть до звонка. Ладно, картошку почему-то нельзя. Рядом с моей пустой тарелкой стояла маленькая мисочка с одной порцией геркулесовой каши, одна на всю «четверку». Я решила поесть этой каши, потому что она стояла ко мне ближе всего. Остальные как ни в чем не бывало начали уплетать картошку. Я выложила себе две ложки каши, больше там не было, и начала есть. Сестра напротив бросила на меня недовольный взгляд. Комок каши застрял в горле. Захотелось пить. Я потянулась к чайнику, в ушах звенело. Другая сестра остановила мою руку на пути к чайнику и затрясла головой. Бред какой-то. Вдруг снова прозвонил колокольчик и все, как по команде, начали разливать чай. Мне передали чайник с холодным чаем. Он был совсем не сладкий. Я положила себе варенья – немножко, чтобы просто попробовать. Варенье оказалось яблочным и очень вкусным, захотелось взять еще, но, когда я потянулась за ним, меня опять хлопнули по руке. Все ели, никто на меня не смотрел, но каким-то образом вся моя «четверка» следила за всеми моими действиями.

Через двадцать минут после начала трапезы Матушка вновь позвонила в колокольчик, все встали, помолились и начали расходиться. Ко мне подошла пожилая послушница Галина и, отведя в сторону, начала тихо выговаривать за то, что я пыталась взять варенье второй раз. «Разве ты не знаешь, что варенье можно брать только один раз?» Мне было очень неловко. Я извинилась, стала спрашивать ее, какие тут вообще порядки, но ей было некогда объяснять, нужно было скорей переодеваться в рабочую одежду и бежать не послушания, за опоздания хотя бы на несколько минут наказывали ночной мойкой посуды.

Такого позора и ужаса, наверное, я не испытывала никогда в жизни

* * *

Хотя впереди еще было много трапез и занятий, эта первая трапеза и первые занятия мне запомнились лучше всего. Я так и не поняла, почему это называлось «занятиями». Меньше всего это было похоже на занятия в обычном понимании этого слова. Проводились они довольно часто, иногда почти каждый день перед первой трапезой и длились от тридцати минут до двух часов. Потом сестры начинали есть остывшую еду, переваривая услышанное. Иногда Матушка читала что-нибудь душеполезное из афонских отцов, как правило, про послушание своему наставнику и отсечение своей воли, или наставления о жизни в общежительном монастыре, но это редко. В основном почему-то эти занятия больше были похожи на разборки, где сначала Матушка, а потом уже и все сестры вместе ругали какую-нибудь сестру, в чем-либо провинившуюся. Провиниться можно было не только делом, но и помыслом, и взглядом или просто оказаться у Матушки на пути не в то время и не в том месте. Каждый в это время сидел и с облегчением думал, что сегодня ругают и позорят не его, а соседа, значит, пронесло. Причем если сестру ругали, она не должна была ничего говорить в свое оправдание, это расценивалось как дерзость Матушке и могло только сильнее ее разозлить. А уж если Матушка начинала злиться, что бывало довольно часто, она уже не могла себя удержать, характера она была очень вспыльчивого. Перейдя на крик, она могла кричать и час, и два подряд, в зависимости от того, как сильно было ее негодование. Разозлить Матушку было очень страшно. Лучше было молча потерпеть поток оскорблений, а потом попросить у всех прощения с земным поклоном. Особенно на занятиях обычно доставалось «мамам» за их халатность, лень и неблагодарность.

Такое часто используют в сектах. Все против одного, потом все против другого

Если виноватой сестры на тот момент не оказывалось, Матушка начинала выговаривать нам всем за нерадение, непослушание, лень и т. д. Причем она использовала в этом случае интересный прием: говорила не «вы», а «мы». То есть как бы и себя, и всех имея в виду, но как-то от этого было не легче. Ругала она всех сестер, кого-то чаще, кого-то реже, никто не мог позволить себе расслабиться и успокоиться, делалось это больше для профилактики, чтобы держать нас всех в состоянии тревоги и страха. Матушка проводила эти занятия так часто, как могла, иногда каждый день. Как правило, все проходило по одному и тому же сценарию: Матушка поднимала сестру из-за стола. Она

должна была стоять одна перед всем собранием. Матушка указывала ей на ее вину, как правило, описывая ее поступки в каком-то позорно-нелепом виде. Она не обличала ее с любовью, как пишут святые отцы в книжках, она позорила ее перед всеми, высмеивала, издевалась. Часто сестра оказывалась просто жертвой навета или чьей-либо кляузы, но это ни для кого не имело значения. Потом особо «верные» Матушке сестры, как правило, из монахинь – но были и особенно желавшие отличиться послушницы, – по очереди должны были что-то добавить к обвинению. Этот прием называется «принцип группового давления», если по-научному, такое часто используют в сектах. Все против одного, потом все против другого. И так далее. В конце жертва, раздавленная и морально уничтоженная, просит у всех прощения и кладет земной поклон. Многие не выдерживали и плакали, но это, как правило, были новоначальные – те, кому это все было в новинку. Сестры, прожившие в монастыре много лет, относились к этому как к чему-то само собой разумеющемуся, попросту привыкли.

Идея проведения занятий была взята, как и многое другое, у общежительных афонских монастырей. Мы иногда слушали на трапезе записи занятий, которые проводил со своей братией игумен Ватопедского монастыря Ефрем. Но это было совсем другое. Он никого никогда не ругал и не оскорблял, никогда не кричал, ни к кому ни разу не обращался конкретно. Он старался вдохновить своих монахов на подвиги, рассказывал им истории из жизни афонских отцов, делился мудростью и любовью, показывал пример смирения на себе, а не «смирял» других. А после наших занятий мы все уходили подавленные и напуганные, потому что их смыслом как раз и было напугать и подавить. Как я потом поняла, эти два приема Матушка игумения Николая использовала чаще всего.

3

Вечером того же дня, после чая, к нам в паломню пришла незнакомая сестра и проводила меня и бабушку Елену Петушкову в сестринский корпус. Для нас освободили две кельи на втором этаже «схимнического» корпуса. Одну из этих келий, ту, что слева, занимала до этого как раз монахиня Евфросия. Я видела, как она с вещами, как обычно, недовольная всем и вся, спускалась вниз, бормоча что-то под нос. Нетрудно догадаться, Матушка давно хотела послать ее в Рождествено, там были нужны рабочие руки, а тут еще понадобилась свободная келья. Туда и поселили Елену. Весь этот спектакль на трапезе был как раз для этого, но и, конечно, для устрашения остальных. Но тогда я не придала этому значения, просто так совпало и все. Я вообще ничего не видела плохого ни в этих занятиях, ни во многом другом, а если и видела, старалась думать, что я

просто еще многого не понимаю в монашеской жизни.

«Надо же, – подумала я, – когда у нее успела так съехать крыша?»

Моя келья была маленькая, как коробка. В этом корпусе были все такие: узкая деревянная кровать, занимающая всю правую стену, напротив – маленький старый письменный стол, ободранный стул и тумбочка. Всю стену напротив двери занимало окно. Шкаф и полка для обуви – в коридоре. Но я была счастлива, что теперь у меня есть отдельная келья, где я могу побыть одна, пусть даже короткое время отдыха, а ночью никто не будет храпеть рядом, как это было в паломне. До меня в этой келье проживала монахиня Матрона, она как раз переносила свои вещи в Троицкий корпус, куда ее перевели. Троицкий корпус был самым новым, кельи там были просторные, и мать Матрона радостно бегала туда-сюда, хихикая от удовольствия.

Она вообще показалась мне очень милой и какой-то уютной. Маленькая, круглая, улыбающаяся. Я помогала ей упаковать ее вещи. Но поговорить с ней тоже не удалось: «После чая Матушка не благословила разговаривать». И, так же весело улыбаясь, понесла очередную коробку. Мать Матрона прожила в Троицком недолго, потом она просто куда-то исчезла. Позже, три года спустя, когда я приехала в Рождествено, я встретила ее там. Это была какая-то другая мать Матрона: сильно располневшая, какая-то отекшая, заторможенная. Она с трудом исполняла даже самые простые послушания. Иногда она подолгу просто стояла в темной кладовке и смотрела в одну точку, как статуя, не всегда даже вовремя реагируя на тех, кто ее за этим занятием заставал. Как мне сказал кто-то из сестер:

– Крыша поехала. Началась паранойя, приступы. Шизофрения. Она уже давно на таблетках сидит, Матушка благословила.

«Надо же, – подумала я, – когда у нее успела так съехать крыша?»

* * *

Приближалась Пасха, и весь монастырь гудел день и ночь, все готовились. В просфорне круглосуточно пекли куличи, огромное количество куличей разного размера и формы. В храме все начищалось до блеска, территорию монастыря, корпуса и трапезные мыли и украшали. Дети в гостевой трапезной целыми днями репетировали театральную постановку «Золушка» и отдельные музыкальные номера. Я трудилась по-прежнему на гостевой трапезной. Мы стирали, гладили и одевали на стулья белые чехлы с бордовыми бантами, которые нужно было потом подкалывать иголками. Каждый стул, а их было больше сотни, мы наряжали в белоснежный выглаженный и накрахмаленный чехол с бантом на спинке.

Поскольку я уже была послушницей, мне требовалась специальная одежда, чтобы ходить в храм: черные юбка, блузка и платок. Я приехала в длинной черной шерстяной юбке, которая была у меня единственной для этого случая, серой рубашке и черном платке, который скорее был маленькой косынкой, чем платком. В храм меня в таком виде пускать было нельзя, и меня отвели в рухольную – монастырский склад всего, что могло понадобиться насельнице. Там не оказалось ничего подходящего для меня. Одежда была только та, которую кто-нибудь пожертвовал, специально ничего не покупалось. Нашлась какая-то синтетическая блузка черного цвета с выбитыми цветастыми узорами, старая, вся в катышках, и ужасно некрасивая. На ноги – вместо моих серых кед – только поношенные мужские черные туфли с длинными квадратными носами 44 размера. Платка не было никакого. Ладно, мы же монахи, нам все можно, подумала я. В этом наряде я ходила и на послушания, и в храм. Странно было чувствовать себя одновременно и чучелом огородным, и настоящим нестяжательным монахом, которому нет никакого дела до внешнего вида.

* * *

И вот наконец Пасха! Для меня было так символично, что я приехала в монастырь именно накануне такого великого праздника, самого большого для всех христиан. Служба ожидалась ночная, как и положено по уставу. И тут в самый неподходящий момент у меня начались месячные. Ерунда, конечно, – но, как я узнала от одной послушницы, в таком «нечистом виде» в храм заходить нельзя. Вот это да! Я о таком слышала впервые. Ну ладно, причащаться нельзя, но даже нельзя присутствовать на службе! Такие порядки были только здесь. Здесь эти «нечистые» сестры вместо службы отправлялись на кухню, готовили трапезу, пока остальные молятся. Потом, правда, я узнала, что касается это правило не всех. Особо голосистым клиросным сестрам даже в таком виде

можно и даже нужно было петь в храме, их на кухню не прогоняли. Также это не касалось благочинной, ибо она всегда была с Матушкой в храме, независимо от чистоты или нечистоты. Иногда по «матушкиным» праздникам Матушка разрешала «нечистым» тоже пойти в храм, если на кухне на тот момент не было работы. В общем, с этой «нечистотой» было все неоднозначно. Я решила никому не говорить об этом недоразумении, мне очень хотелось быть на богослужении.

И я пошла в храм. До этого я там почти не была, все время мы работали и готовились к празднику. Для меня было неожиданностью, что сестры молятся не на первом этаже со всеми прихожанами, а на втором, где совсем ничего не было видно. Из динамиков мы слышали возгласы и пение, а видеть ничего не могли. К парапету балкона подходить было нельзя – наверное, потому, что нелепо смотрелись бы монахини, перегнувшиеся через парапет и пялящиеся на людей внизу. Меня это жутко расстроило. Это хуже, чем даже смотреть службу по телевизору, это как слушать ее по радио. Но и к этому привыкаешь.

Во время службы меня постоянно мучила совесть, что я солгала, по уставу я должна была быть на кухне, и от этого было как-то невесело. Потом была общая с прихожанами трапеза и небольшой концерт. Все разговлялись наконец вареными яйцами, куличами и пасхой.

* * *

С порядками на трапезе мне помогла разобраться сама Матушка. После того позорного обеда в этот же день был еще вечерний чай, где я по незнанию взяла лишнее печенье. По рукам не били, но я поняла это по взглядам и недовольному шипению сотрапезников. На следующее утро после литургии меня вызвали к Матушке. Тогда еще я не боялась Матушки и была даже рада с ней пообщаться. Она стала мне вежливо объяснять правила приема пищи на трапезе. По звонку колокольчика начинали есть. Сначала суп. Супницу надо было передавать в четкой последовательности от старших к младшим. Если не хочешь суп – сиди и жди следующего звонка. По второму звонку разрешалось накладывать второе и салат. После третьего звонка – чай, варенье, фрукты (если есть). Четвертый звонок – окончание трапезы. Положить себе можно не более четвертой части от второго блюда, салата или супа. Брать можно только один раз, не подкладывать, даже если еда остается. Взять можно два куска белого хлеба и два черного, не больше. Делиться едой ни с кем нельзя, с собой уносить нельзя, не доедать то, что положил себе в тарелку, тоже нельзя. Насчет варенья ничего не сказала, и

никто точно не знал, в уставе не оговаривалось, сколько раз его можно положить. Это зависело от сестер «четверки», в которую попадешь.

Через неделю после приезда у меня забрали паспорт, деньги и мобильный телефон куда-то в сейф. Традиция странная, но так делают во всех наших монастырях.

Не успели отпраздновать Пасху, надо было готовиться к другому празднику – матушкин юбилей, 60 лет. Ни один церковный праздник в Свято-Никольском монастыре, даже визит архиерея, не мог сравниться по пышности с «матушкиными» праздниками. Их у нее было много: день рождения, три дня ангела в году, дни святителя Николая тоже считались «матушкиными», плюс к этому разные ее памятные даты: постриг, посвящение ее в сан игумении и т. д. Каждое возвращение Матушки из «заграницы» тоже служило поводом для торжества. Часто дни особо почитаемых в России святых даже не упоминались, но ни один «матушкин» праздник не мог обойтись без обильной трапезы и концерта. На этих торжествах сестрам часто вручались какие-нибудь символические подарки «от Матушки» – иконки, святыньки, открыточки, шоколадки.

Через неделю после приезда у меня забрали паспорт, деньги и мобильный телефон

К этому юбилею готовились особо. Столы в гостевой трапезной ломились от дорогой посуды, изысканных угощений и напитков. На каждую четверку гостей был целиком запечен фаршированный осетр. Всю трапезную заполнили гости и спонсоры монастыря. Почти все сестры были заняты обслуживанием гостей в белых передничках с большими пышными бантами на спине. Матушка вообще любила, чтобы везде были банты – чем больше, тем лучше. По ее мнению, это было очень изысканно. Честно говоря, странно и нелепо смотрелись монахини в клобуках и рясах с белыми бантами на спине, но о вкусах не спорят.

После трапезы был, как обычно, концерт и театральная постановка детей приюта. Гости были в восторге. Сестры тоже были довольны: после многих дней и ночей изнурительной подготовки к празднику они тоже получили возможность попробовать осетров и всего того, что осталось после гостей.

4

После моего переезда из паломни в сестринский корпус меня очень удивило одно престранное обстоятельство: по всему монастырю ни в одном туалете не было туалетной бумаги. Ни в корпусах, ни в трапезной, вообще нигде. В паломне и на гостевой трапезной бумага везде была, а тут нет. Я вначале подумала, что за всей этой праздничной суетой об этом важном предмете как-то забыли, тем более я все время на послушании была на гостевой или на детской трапезной, где бумага имелась, и я могла намотать себе сколько нужно про запас. Задавать этот щекотливый вопрос сестрам или Матушке я как-то не решалась. Один раз, когда я чистила зубы в общей ванной в нашем корпусе, а дежурная по корпусу инокиня Феодора в это время мыла пол, я вслух громко сказала, как бы про себя: «Надо же! Бумагу опять забыли положить!» Она дико посмотрела на меня и продолжила мыть полы. Потом я все-таки выведала у соседки по келье, что этот драгоценнейший и жизненно важный предмет нужно специально выписывать у благочинной, это можно сделать только раз в неделю, когда работает рухолка, и выписать можно только два рулона в месяц, не больше. Я подумала, что мне это показалось. Просто не может быть. После всех этих роскошных трапез с икрой, дорадо и конфетами ручной работы в такое было трудно поверить.

Забегая вперед, скажу, что с этой бумагой вообще было немало курьезов. Одна недавно пришедшая послушница Пелагея (в миру ее звали Полина) пожаловалась Матушке, что для нее никак невозможно обойтись двумя рулонами. Эта Пелагея вообще была по жизни довольно простой, ничто не мешало ей говорить о вещах, которые действительно ее волновали. По этому поводу проведены были целые монашеские занятия. Матушка позорила при всех Пелагею. Говорила, что пока все занимаются духовным деланием, она думает о таких вещах, как туалетная бумага. Остальные, разумеется, поддерживали во всем Матушку. Им, видимо, всего хватало. А кому не хватало, молчали: думали, что они просто какие-то неправильные. В итоге Пелагея, которая стояла все это время с невозмутимо тупым видом, спросила:

– Матушка, ну что мне, пальцем, что ли, вытирать?

На что та гаркнула:

– Да! Подтирайся пальцем!

Такое, наверное, сейчас редко где услышишь. Однако эта чудесная история имела хороший конец. Пелагея прожила в монастыре больше года, не знаю, как она решила для себя вопрос с бумагой, но потом она все-таки ушла. Она так и не научилась бояться Матушку, часто грубила, задавала нелепые вопросы в лоб, откровенно писала Матушке свои помыслы, чего делать ни в коем случае было нельзя… в общем, не справилась и ушла. После ее ухода о ней надолго забыли. И вот на какие-то из занятий Матушка пришла какая-то бледная, уставшая, явно не в духе и принесла с собой ворох исписанных листов А4. Похоронным голосом она начала рассказывать нам, что Пелагея, оказывается, даром времени «в миру» не теряла, она написала письмо или даже трактат о ее жизни в Свято-Никольском монастыре, причем достаточно объемный. Там она смела хулить монастырь, Матушку и сестер. Фрагменты этого письма Матушка нам читала. «Надо же, – подумала я, – на что оказалась способна эта Пелагея». Стиль трактата был очень простой, даже наивный, но она очень точно увидела суть происходящего в монастыре: этот, как она написала, «культ личности Матушки», который подменяет здесь веру во Христа и на котором все здесь зиждется. Она написала очень правдиво и про скудную трапезу сестер и детей, состоящую главным образом из пожертвованных просроченных продуктов, где даже в скоромный день редко бывает рыба или молочные продукты, и про матушкины роскошные обеды, про непрестанную работу без отдыха, про эти выматывающие душу занятия, про сестер, которые от такой жизни теряли рассудок, ну и конечно же – про туалетную бумагу! Это письмо Пелагея отправила в патриархию, а также в епархию митрополиту Калужскому и Боровскому Клименту, под началом которого и был наш монастырь. Но почему-то это письмо оказалось у матери Николаи. Не знаю, читали ли его вообще в патриархии или в Калужской епархии.

Она очень точно увидела суть: «культ личности матушки», подменивший здесь веру во Христа

И вот, Матушка придумала действо после прочтения этого возмутительного письма. На столе были уже готовы списки всех сестер монастыря и скитов, нужно было только подойти и поставить свою подпись рядом со своей фамилией под пристальным взглядом матери Елисаветы. Это была просьба от лица всех сестер монастыря в патриархию защитить наш монастырь и Матушку от посягательств и лжи этой Пелагеи. Надо сказать, что Пелагея аж два раза пыталась переправить свой трактат в вышестоящие церковные организации, и оба раза это письмо оказывалось у матери Николаи. Сестры тоже вынуждены

были два раза подписать прошение. Не подписаться было нельзя. Такие непослушные сестры не выгонялись из монастыря – нет, они просто отправлялись «на покаяние» на коровник без служб и отдыха, пока не исправятся. Все подписались, и я тоже, хотя в письме, на мой взгляд, не было ни капли лжи.

Но зато через несколько дней во всех туалетах монастыря появились огромные серые бобины туалетной бумаги. Больше ее не надо было экономить, воровать и выписывать, а Пелагея заслужила себе таким образом непрестанную молитву.

5

Первые три недели в монастыре я прожила хоть и трудно, с большим воодушевлением. Мне даже удалось кое с кем подружиться. На огороде мы копали грядки вместе с инокиней Дамианой (их постригали в один день с матерью Космой). Мне она сразу очень понравилась. Совсем молодая, лет 20–25 на вид, высокая, совсем рыжая и вся в веснушках. Она часто смеялась, и с ней можно было пообщаться. Остальные боялись друг с другом разговаривать: об этом могли донести Матушке. Праздные разговоры между сестрами не благословлялись: видимо, чтобы не возникало искушения обсуждать между собой Матушку и ее приближенных. Но я по незнанию этих благословений не боялась, а мать Дамиана просто не могла не болтать, хоть ее за это часто ругали. Мне же было ужасно одиноко в этом набитом людьми монастыре, где не с кем даже поговорить. Я думала, как было бы здорово вечером не сидеть одной в келье, а вместе с кем-нибудь попить чаю, поговорить – в Оптиной пустыни и во многих других монастырях это не было запрещено. У нас же был такой строгий устав, что это и представить было невозможно. Оставалось только каждый день надеяться, чтобы нас поставили вместе на огород, тогда часы послушания пролетали быстро и весело. Дамиана пришла в монастырь еще почти девочкой прямо из Калужского Духовного училища, где училась на регента. В монастыре было довольно много таких «училищных» сестер, все они были молоденькие.

Мне было ужасно одиноко в этом набитом людьми монастыре

* * *

Калужское Духовное Училище расположено в Калуге, на улице Дарвина, в старинном огромном четырехэтажном доме с внутренним храмом. Здесь в течение четырех лет обучаются молодые девушки от 18 лет, в основном на регентов церковного хора и иконописцев. Живут они в комнатах по двое на последнем этаже прямо в здании училища, как в пансионе. Помощницей ректора, старшей воспитательницей над девушками, назначалась не православная учительница или воспитательница с педагогическим образованием, как следовало бы ожидать, а монахиня из Свято-Никольского монастыря. Она всегда была со своими воспитанницами. У нее, как у старшей, им надлежало спрашивать на все благословения. Девушки называли ее «матушка» и во всем слушались. Как так получилось, что воспитывать девиц из вполне светского заведения было поручено монахине, непонятно. На этот пост сестру назначала сама мать Николая, не архиерей и не ректор КДУ. Казалось бы, замечательно, что монахиня занимается воспитанием молодых девушек. Но, однако, так получалось, что ежегодно из выпуска в 20–25 человек две-три девушки уходили в Свято-Никольский монастырь послушницами. Каждый год монастырь пополнялся молодыми сестрами. Матушка из КДУ часто возила девушек на монастырские праздники, на постриги сестер, рассказывала им, как спасительна монашеская жизнь по сравнению с мирской, полной невзгод и греха, проводила с ними занятия наподобие наших. Если девушка изъявляла желание пожить в монастыре, ее сразу же везли к старцу Власию за благословением. Я однажды наблюдала такой случай в Корсунском храме нашего монастыря: отец Власий совершал монашеский постриг кого-то из сестер. После пострига к нему под благословение подвели молоденькую студентку КДУ, Надежду, я была с ней знакома, она часто бывала в монастыре с инокиней Любовью, которая тогда была в КДУ матушкой. Наде нравилось в монастыре, но она бывала здесь только по праздникам, о монашеской жизни она знала только из книг и из рассказов матери Любови. Мать Любовь сказала старцу:

– Батюшка, благословите ее в монастырь.

Отец Власий улыбнулся и молча коснулся пальцами лба девушки. Это означало, что старец ей дал свое благословение на монашество, которое теперь она не могла нарушить. Надежде предстояло учиться в КДУ еще год, но ждать не стали, благословение старца – это воля Божия, ее нужно было выполнять. Через две недели она уже была послушницей, а свой последний год в КДУ доучилась заочно.

Этих молодых «училищных» послушниц Матушка воспитывала на свой вкус. У них, не имеющих жизненного опыта, напрочь отсутствовало критическое восприятие действительности, все порядки в монастыре они воспринимали как должное. Жизнь за стенами монастыря им представлялась уже совсем нереальной и невозможной. Если сестра, которая хотя бы какое-то время пожила своей жизнью до монастыря, могла эту жизнь вспомнить, сравнить, проанализировать и все-таки уйти из монастыря, то эти «училищные» сестры такого сделать не могли. Они даже не представляли себе возможности уйти. Тем более Матушка часто на занятиях рассказывала поучительно-пугающие истории из жизни тех, кто ушел, какие ужасы и несчастья ожидали их «в миру».

Как-то это все очень было похоже на рыбную ловлю, только тут «человеки».

* * *

Дамиана была верной Матушке во всем, как собачка. Ее не смущали ни разборки на занятиях, ни другие странные для монастыря вещи. Например, в кельях у всех сестер были бумажные иконы. У кого в углу, у кого на столе, у кого-то просто пришпилены иголками к обоям. Часто на праздниках раздавались матушкины фотографии, не понятно зачем, ведь Матушку мы видели почти каждый день. Потом я заметила, что некоторые сестры вешали эти фотографии в своих иконных углах, где они молились, рядом с иконами. Мне это показалось странным, а Дамиане – нет, у нее тоже висела большая матушкина фотография рядом с иконой Спасителя. Ни один концерт не обходился без «матушкиной песни». Эту песню написала монахиня Нектария, сейчас она настоятельница подшефного матери Николае монастыря в Кемерово. Это был скорее даже гимн матушке Николае, о том, как она, жертвуя всем и даже своей жизнью, спасает своих духовных чад. Там она даже сравнивалась со Христом, также отдавая свою кровь за всех нас (см. прим. 1). Тоже как-то странно. Нелепо было бы представить себе, например, оптинских братьев, радостно распевающих гимны своему наместнику. Но опять же, странно это было только мне. Дамиана, как и многие сестры, знала эту песню наизусть. Был еще один обычай, которого я нигде больше не встречала: если Матушка куда-то уезжала или приезжала, что бывало довольно часто, все до единой сестры должны были ее провожать, ну или встречать. Происходило это так: сестры выстраивались в два ряда вдоль дорожки, ведущей от монастырских ворот к храму, и ждали, пока Матушка пройдет. Иногда игумения выезжала в аэропорт глубокой ночью, тогда сестер будили и выстраивали на улице, несмотря на поздний час, мороз или дождь. Не прийти было нельзя, всех проверяли по списку. Когда Матушка проходила

между рядами сестер, нужно было радостно улыбаться и подобострастно выкатывать глаза, все так делали, показывая свою радость от встречи с Матушкой. Не улыбаться было опасно: Матушка могла что-то заподозрить, припомнить это на занятиях или просто подойти и гаркнуть что-нибудь обидное. Мне все эти порядки казались неестественными, все это напоминало какой-то культ личности, здесь даже молились Богу «матушкиными святыми молитвами», то есть не своими, грешными, молитвами, а матушкиными – святыми. При упоминании Матушки стоило благоговейно осенить себя крестным знамением (за этим строго следили старшие сестры), а само слово «матушка» нужно было произносить только с придыханием и очень нежно, с любовью. Игумения даже не стеснялась говорить на занятиях, что для нас она не кто иной, как Матерь Божия, потому что (даже смешно это цитировать) «сидит на месте Богородицы».

Игумения даже не стеснялась говорить, что для нас она не кто иной, как матерь божия

А если серьезно, то по этому поводу можно процитировать святых отцов, например святителя Игнатия (Брянчанинова): «Если же руководитель начинает искать послушания себе, а не Богу – недостоин он быть руководителем ближнего. Он не слуга Божий, а слуга дьявола. Его орудие есть сеть. “Не делайтесь рабами человеков”, – завещает Апостол».

Святитель Феофан (Говоров) говорит так: «Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе… Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспеяния… Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу… Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог… И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи!»

Теперь понятно, почему на занятиях и на трапезе мы никогда не читали ни святителя Игнатия, ни святителя Феофана, Матушка вообще не благословляла читать этих отцов. Предпочтение она отдавала брошюркам современных афонских старцев – там таких тонкостей не встретишь.

6

На одном из занятий Матушка вдруг ни с того ни с сего рассказала историю про то, как одна сестра, которая долго жила в монастыре и была уже инокиней, влюбилась в только что пришедшую послушницу, и что это все очень мерзко пред Господом, грязно и противно. Как ужасно, подумала я, бедные. Я совсем не приняла эту душераздирающую историю на свой счет и долго еще потом не догадывалась, что это было про меня и Дамиану. Кто-то Матушке передал, что мы общались на послушании в огороде. Дамиану после этих занятий срочно отправили в Карижу, в скит. Матушка не терпела общения между сестрами.

Любое общение между сестрами считалось блудом

Слово «дружба» вообще здесь не употреблялось, его заменяло слово «дружбочки», отдававшее чем-то уже неприличным. Считалось, что поговорить сестра может только с Матушкой, а других сестер нечего смущать своими помыслами. Любое общение между сестрами считалось блудом, духовным, но все же блудом. Если какая-то сестра видела двух других, болтающих между собой, она обязана была донести это Матушке, чтобы оградить их от блудного греха. Я была до этого в других монастырях, и такого нигде не встречала. Раньше и здесь не было таких правил, все было гораздо проще до того, как в 1993 году из Малоярославца ушло сразу пятнадцать сестер. Письмо одной из этих сестер, полученное уже после публикации книги в интернете, я привела здесь (см. прим. 2). На этой почве у игумении возникла настоящая паранойя: любое общение между сестрами она считала заговором против устава монастыря и нее лично. Но, в общем-то, принцип «разделяй и властвуй» еще никто не отменял.

* * *

Первое время – наверное, месяц, – я была как в розовых очках. Если что-то казалось мне в монастыре неправильным, я скорее склонна была считать, что я просто еще не очень понимаю здешний устав. К тому же хронический недосып и усталость очень мешали воспринимать и анализировать происходящее. Распорядок дня в монастыре был такой. В 5 утра – подъем, в 5.30 уже нужно

было быть в храме на полунощнице. Потом служили утреню по полному чину со всеми полагающимися канонами, на которых почти все спали, кроме чтецов. Далее – литургия и трапеза, как правило с занятиями. Сразу после трапезы все спешили к стенду, на котором благочинная вывешивала списки с послушаниями. Сестры переодевались в рабочую одежду (на это отводилось 15 минут) и шли на то послушание, которое им благословили. Монахини и инокини работали до часу дня, потом исполняли в кельях свое молитвенное правило, а послушницы, которым не полагалось правила, должны были работать до трех, когда начинался отдых. После часового отдыха – вторая трапеза с 16.00 до 16.20, общее чтение помянника прямо в трапезной, и снова послушания до вечернего чая – в 21.30. Ночью часто назначали на чтение Псалтири, но подъем в таком случае был в 8.00. Это летний распорядок дня в монастыре, зимой устав был другой. Если подъем был в 7 утра (такое бывало по праздникам), отдыха и дневного правила не было, работали целый день, и это было гораздо тяжелее (я так и не поняла, при чем тут праздник). Причащались сестры в воскресенье, и перед причастием следовало прочитать правило с тремя канонами. На это для послушниц не выделялось времени, сил молиться факультативно ночью уже не было никаких, а прочитать правило нужно было обязательно, иначе за это предстоял ответ на Страшном Суде. Отказаться от причастия тоже было нельзя, если Матушка так благословила. Я пыталась говорить об этом с благочинной и с Матушкой, но только нарвалась на грубость. Решила причащаться так. Сначала очень мучилась совестью, что не читаю правило, но потом подумала, что у меня просто нет выбора – читать или не читать. А наказывать человека, у которого нет выбора, на мой взгляд, как-то неразумно.

Иногда у меня от усталости просто мутилось все в голове, в мыслях стоял какой-то туман, все крутилось вокруг того, как выживать в этих непривычных условиях, как выполнить послушание, чтобы осталось еще время на отдых, где достать лекарства, которые невозможно было выпросить у монастырского врача, как написать помыслы, чтобы не разозлить ими Матушку. Да, написание помыслов – это отдельная история, заслуживающая особого внимания.

7

В монашеской жизни все очень непросто. Придя в монастырь, послушник начинает жить совершенно другой жизнью, по другим правилам, сталкивается с различными искушениями и трудностями как среди братии, так и внутри себя. Чтобы помочь ему преодолеть собственные страсти и твердо встать на путь духовной жизни, нужен опытный наставник, без этого никак нельзя. Поэтому в

древних монастырях существовал такой обычай: откровение помыслов наставнику. Это не столько исповедь, сколько возможность разрешить свои недоумения и проблемы в духовной жизни, получить совет – и именно совет, а не приказ – от более опытного человека. В каждом монастыре обязательно должен быть духовник – опытный в монашеской жизни наставник, у которого есть благословение принимать помыслы и духовно окормлять братию. В мужских монастырях, как правило, такой человек не один, и послушник вправе добровольно выбирать себе того, с кем он будет советоваться, соответственно своему расположению и доверию к этому человеку. В женских монастырях бывает по-разному. Чаще всего у сестры перед ее поступлением в монастырь уже есть духовный отец, который благословил ее на монашество. Тогда она может продолжать окормляться у него, если игумения благословит с ним видеться. Бывает и так, что в монастыре есть один на всех сестер духовный наставник, которого выбрала игумения. Такая ситуация хуже, потому что, как правило, это тот человек, кому доверяет игумения и кто будет держать матушку в курсе всего того, что будут открывать ему сестры. Игумении это очень удобно, чтобы отслеживать и наказывать недовольных уставом или самой матушкой. Таким духовникам сестры не доверяют, и тогда откровение помыслов превращается просто в формальность. В некоторых афонских греческих монастырях братья открывают помыслы непосредственно своему игумену, но как это происходит у них, непонятно. Добровольно это или принудительно? Возможно ли вообще быть до конца откровенным с человеком, который является не только твоим духовником, но и начальством, от которого зависит – наказать тебя или помиловать? Архимандрит Софроний (Сахаров) в своей автобиографии рассказывает, что, когда он жил на Афоне в Свято-Пантелеимоновом монастыре, там братья окормлялись у старцев из других монастырей или скитов, потому что полностью быть откровенным можно только с человеком, который не живет с тобой в одном монастыре и не имеет над тобой никакой «бытовой» власти.

Сейчас во многих женских монастырях в России существует это «откровение помыслов». Интересно, что в мужских это извращение как-то не приживается

То, о чем хочу рассказать я, не имеет никакого отношения к вышеупомянутой древней традиции. Сейчас не только в Свято-Никольском Черноостровском монастыре, но и во многих женских монастырях в России существует это современное изобретение под старинным названием: «откровение помыслов». Интересно, что в мужских монастырях это извращение как-то не приживается, видимо, тут еще замешана женская психология. У нас в монастыре помыслы

открывать нужно было Матушке, и только ей, обязательно перед каждым причастием, то есть раз в неделю в письменном виде. Каждая сестра должна была написать помыслы на бумажке (бумагу для помыслов в любом количестве раздавала монахиня Елисавета, ведавшая канцелярией) и положить эту бумажку в храме в специальную корзиночку, стоящую на подоконнике возле матушкиной стасидии. Когда Матушка была в храме, она обычна была занята чтением этих посланий, сразу же подзывая к себе тех, кого следовало вразумить или наказать.

* * *

Буквально сразу после моего приезда в монастырь Матушка сказала мне, что теперь я должна писать ей помыслы. Я была рада этому: хорошо же, когда можно в любой момент посоветоваться с Матушкой, рассказать ей о том, что чувствуешь, получить помощь и поддержку – в начале монашеского пути это особенно важно. Первое время моей монастырской жизни я чувствовала большое воодушевление, с удовольствием ходила на службы и послушания, хоть физически и было тяжело. Я писала о своих ощущениях, делилась с Матушкой своими мыслями, даже самыми сокровенными. Как-то на занятиях Матушка меня подняла и начала вслух при всех рассказывать о том, что я ей написала. Что-то о моих переживаниях во время молитвы. Все это звучало какой-то издевкой, так глупо, что сестры улыбались, кто-то даже смеялся. Хотелось провалиться сквозь землю, только бы не слышать, как Матушка цитирует мои слова, которые я писала только ей. Смысл матушкиных слов был такой, что послушницам вроде меня еще рано думать о молитве, а нужно просто больше трудиться на послушании, и Господь все пошлет. Все правильно. Но почему не сказать мне это наедине, зачем выставлять при всех такой дурой, зачем читать всем мои помыслы? Я же писала ей их как исповедь, а исповедь должна оставаться тайной. Для меня это было большим потрясением. Я поняла, что теперь никакого откровения уже быть не может, а врать я не могу. Получается, что писать нечего. И не писала недели две. Конечно, Матушка это заметила.

* * *

Меня вызвали к Матушке в покои после вечернего чая. Я, как всегда, обрадовалась, думая, что это какое-то специальное поручение лично для меня. Матушку я тогда не боялась. Когда я вошла к Матушке в кабинет, она сидела за столом, спиной ко мне. Я сказала обычное: «Матушка, благословите». Она не

обернулась, даже не посмотрела на меня, сразу начала очень жестко отчитывать меня, переходя на крик, говорить, что такие сестры, как я, ей в монастыре не нужны и что она меня выгоняет. На меня напал какой-то ступор, от неожиданности я ничего не могла понять. Оказалось, это все из-за того, что я не пишу ей помыслы, да еще смею причащаться. Я заплакала, пыталась ей объяснить, что просто не могу ничего написать, что это все теперь будет неправдой, я не могу открывать свои помыслы, зная, что в любой момент их зачитают за столом в трапезной между переменами блюд. Когда сестра начинала плакать, Матушку обычно отпускало, не из жалости, просто она очень боялась громких истерик, которые могли закатывать некоторые сестры. Она успокоилась, но поставила меня перед выбором:

– Убирайся из монастыря или пиши помыслы, как все, и меня совершенно не волнует то, как ты будешь это делать.

Я увидела, что ее вообще не волнует, что я чувствую и как я живу. Ее не волновали мои объяснения, мои проблемы, ей это все было до лампочки. Для нее был важен порядок, устав ее монастыря, а людей надо просто приладить к этому механизму и заставить все делать правильно. Приспособился – хорошо, нет – можешь уходить. Она часто повторяла фразу, выдернутую из книжки каких-то афонских отцов: «Исполни или отойди». Ей она очень нравилась.

Когда сестра начинала плакать, матушку обычно отпускало. Не из жалости. Просто она очень боялась громких истерик

На следующий день после службы меня вызвали в Матушке.

– Поедешь сегодня в Оптину, можешь пообщаться там с отцом Афанасием.

– Благословите, Матушка.

Я была очень рада побыть в Оптиной и снова увидеться с Батюшкой и побежала собираться. Матушка нечасто отправляла сестер к их духовникам, такое случалось крайне редко. Она очень доверяла отцу Афанасию и была уверена, что он сможет наставить меня на правильный путь послушания.

Мы ехали на газели с монастырским водителем. В Оптиной нам нужно было забрать картошку, а я в это время могла увидеть Батюшку. По этому случаю мне даже отдали на один день мой мобильный телефон. Батюшка уже знал, что я приеду: видимо, Матушка его предупредила, что мне нужна помощь и вразумление. Мы сидели на лавочке в лесу возле скита, и я пыталась у него выяснить, как же жить дальше. Я рассказала про помыслы и про случай в трапезной, про то, что реальная монастырская жизнь совсем не такая, как ее описывают в книгах. Случай с откровением помыслов в трапезной его сильно удивил и даже рассмешил.

– Ну а как ты хотела? Монашеские искушения нужно перетерпеть. Ну, подумаешь, прочитали. Считай, что Господь испытывает твою гордыню.

– Но дело совсем в другом. Я не могу больше писать эти помыслы. Тут надо писать то, что у тебя на душе, не придумывать же их? А у меня на душе то, что Матушке я теперь не доверяю, я ее боюсь, и многое в монастыре мне кажется неправильным, не могу же я ей это писать?

– Ну а что, напиши, как есть.

– А смысл? Только опять позориться на занятиях.

У нас есть такая сестра, послушница Наталья. Матушка недавно постригла в иночество маму одного монастырского спонсора с именем Николая. Эта бабушка никогда не жила в монастыре и уже была совсем не в своем уме, ничего не соображала. Наташа написала в помыслах, что, по ее мнению, это неправильно постригать кого-то за деньги.

– Ну и что?

– Матушка орала на нее целый час на занятиях, довела до слез, потом раздела и отправила на послушание на детскую кухню надолго, без посещения служб и причастия. Наказание за помыслы. Как-то не хочется нарываться лишний раз. И какое же это откровение, если сидишь и думаешь, что бы такое написать, чтобы не наказали?

– Ну ты не пиши Матушке обидных вещей, она же тоже человек.

– Да я вообще ничего не могу писать. Сказано же: «Кому не извещается сердце – тому не открывай его».

– А что, у вас нет духовника в монастыре? Почему вы Матушке помыслы открываете?

– Матушка даже священникам запрещает открывать помыслы. Только ей.

– Это плохо, что нет духовника. Но ты не переживай! Господь все управит за послушание и веру. Пишут же помыслы другие сестры?

* * *

Да, сестры писали. И писали много. У некоторых это были целые кипы, состоящие из нескольких плотно исписанных тетрадных листов. Что там обычно писали, да еще каждую неделю? Хороший вопрос.

Удивительно, но почти никто не писал о себе. Писали о других, как правило, о тех, кто чем-то не угодил.

Была такая монахиня Алипия, по прозвищу «Павлик Морозов». У нее вполне официально было такое послушание: выслеживать – и писать

Работало это здорово. Например, сестра-трапезник нагрубила сестре-повару за то, что та не успела вовремя согреть чай и пришлось разливать холодный. Сестра-повар старше по чину и ей обидно, что какая-то трапезница ей грубит. На следующий день трапезницу вызывают к Матушке, и та ругает ее за то, что она, оказывается, ставит на свою «четверку», где сама ест, самую хорошую еду! Вот так. Или две сестры трудятся на коровнике. Смена почти доделана, осталось только раздать сено. Приходит регент и вызывает одну из них, инокиню, на спевку. Другой, монахине, страшно обидно, что ей придется одной заканчивать работу, и вообще, она тоже клиросная, а ее не позвали. На следующих же занятиях инокиню-певицу снимают с послушания на коровнике и отправляют в ссылку в скит за то, что все время ленится, нарочно недодаивает коров и не справляется с послушанием. Иногда можно было просто намекнуть на то, что ты

что-то можешь написать, и это тоже давало определенные результаты.

Писать что-то о себе было опасно. Инокине Герасиме очень нравилось петь на клиросе, она просто жила этим и, соответственно, писала Матушке, как для нее это важно. Матушка перестала ставить ее на клирос, а потом и вообще запретила ей туда ходить почти на полгода. Потом мать Герасима поумнела и стала писать о том, как ей хорошо без клироса, как ей нравится просто молиться с остальными сестрами. Матушка ее похвалила за это на занятиях, сказала, что мы все должны таким же образом побеждать свои страсти, и снова разрешила ей петь.

Никогда Матушка не разбиралась: кто прав, кто виноват. Виновата была та, которую Матушка считала виноватой, никаких оправданий она не принимала. Только старшие, «верные» Матушке сестры обладали своего рода неприкосновенностью, «писать на них» было бесполезно, пока Матушка сама не решит такую сестру наказать – за непослушание или просто для профилактики. Была такая монахиня Алипия, по прозвищу «Павлик Морозов». У нее вполне официально было такое послушание: выслеживать все и вся и писать. Иногда Матушка журила ее на занятиях, что та «мало стала смотреть за сестрами». В чем тут смысл, и почему эти доносы так важны были для игумении? Очень просто. Все друг за другом следили. Не напишешь ты – напишут на тебя. Ничего в этом огромном монастыре не могло утаиться от игумении. Количеством доносов измерялась верность сестры Матушке. Особо рьяных доносчиц Матушка жаловала чинами – они становились старшими на послушаниях, помощницами благочинной, матушкиными келейницами, старшими в скитах, а потом и игумениями подшефных матушке монастырей по всей России (см. прим. 3).

* * *

После разговора с Батюшкой я вернулась в монастырь. Матушка дала мне епитимью: я должна была писать ей помыслы каждый день, пока не научусь.

– А если мне нечего будет писать?

– Так и пиши – нечего писать, но помыслы сдавай.

Я стала писать. Писала просто всякую ерунду о том, как я устаю на послушаниях, плохо молюсь, иногда занимаюсь тайноедением и борюсь со страстями осуждения и гнева. Как-то все об одном и том же разными словами. Для себя решила: что бы ни случилось, писать буду только про себя, так, чтобы, если и прочитают на занятиях, не было стыдно. Ябедничество еще с детского садика для меня стало самой отвратительной вещью на свете. И еще был какой-то подсознательный страх, что стоит только раз попробовать кому-нибудь насолить или отомстить с помощью доноса, и потом уже будет невозможно вернуться обратно в прежнее состояние: было в этом всем ощущение какого-то безвозвратного падения, сродни проституции.

8

Как-то на занятиях Матушка предложила желающим поехать подвизаться на коровник в Карижу, там нужны были люди. Желающих не оказалось, все сидели и смотрели в свои тарелки, стараясь казаться как можно незаметнее и втянув голову поглубже. Вообще-то Матушка отправляла туда сестер и взрослых девочек приюта по своему усмотрению, как правило, в наказание, отказаться от такой поездки было нельзя, но тут она решила дать нам выбор. Я подняла руку. В деревне Карижа был небольшой деревенский домик для сестер и летний коровник, куда весной перегоняли монастырское стадо. Считалось, что там очень тяжело. Но неужели где-то могло быть тяжелее, чем тут? Дамиана рассказывала, что сестры там сами пасут коров, и можно читать книги, гуляя по окрестным полям со стадом. Я так давно за неимением времени ничего не читала, и к тому же очень хотелось погулять, подышать воздухом, просто сменить обстановку. Здесь устав вообще не оставлял ни капли свободного времени.

Матушка предложила желающим поехать подвизаться на коровник в Карижу. Считалось, что там очень тяжело. Где-то могло быть тяжелее?

Я сказала Матушке, что умею доить коров, поэтому меня сразу отравили в этот скит. Когда я, довольная предстоящей поездкой, стояла у монастырских ворот с рюкзаком в ожидании монастырского джипа, который должен был отвезти меня на коровник, сестры, проходившие мимо, смотрели на меня с сочувствием.

* * *

Мы приехали в скит уже вечером. Подъехали к большому двухэтажному дому, и сразу запахло коровником. Я и монахиня Георгия, старшая по коровнику, пошли на вечернюю дойку. Там нас уже ждали семь дойных коров, две телки и теленок. Мать Георгия стала налаживать доильный аппарат, а я и две взрослые приютские девочки чистили навоз и кормили коров. В детстве я часто жила в деревне у бабушки, у нас там тоже было небольшое хозяйство, поэтому вид и запах коровника меня не очень смутил. Я была очень довольна, что приехала сюда, здесь все казалось каким-то по-деревенски простым и уютным. Деревня была небольшой, в основном здесь были дачи. Осенью почти все отсюда уезжали. Места вокруг были очень красивые: вокруг тянулись бесконечные луга и поля, засаженные клевером и пшеницей, в овраге протекала небольшая речка, куда мы водили наше стадо на водопой. Через этот овраг начинался небольшой лесок со множеством грибов и ягод. На пригорке стоял храм Покрова Пресвятой Богородицы. Во времена гонений он не закрывался, почти все иконы и росписи в нем были очень древние. Пели здесь знаменным распевом, медленно и красиво. Служил настоятель протоиерей Андрей. По воскресениям он говорил замечательные проповеди, а все службы служил полным чином, при свечах, зажигая даже под потолком большое круглое паникадило со свечками.

* * *

Сама территория скита была хоть и большой, но заваленной разным хламом, который свозился сюда из монастыря. Здесь были старые доски, которые нужно было пилить на дрова, целая куча ржавого железа с какой-то крыши, валялись огромные железные ворота, сломанная старая мебель и много чего еще. Часть территории была засажена картошкой и зеленью, а около трети всего участка мать Георгия отвела под склад навоза. Мы его сюда свозили на тачке, он прел, а потом его вывозили на огород.

Меня поселили на втором этаже в просторной келье с видом на коровник. Подъем в скиту был в четыре утра, когда было еще совсем темно. В 4.15 мы, заспанные и озябшие, одетые в рабочие юбки и рубахи, уже стояли в кухне на полунощнице. Полунощницу читали не полным чином, без кафизмы. Потом по темноте, захватив пластмассовые баки для молока, мы брели на коровник. Там нас уже ожидали такие же сонные коровы и кучи навоза, которые нужно было сгребать лопатами и вывозить на тачке. Потом коров мыли: целиком – вместе с

головой и ногами. Для этого специально на печке грелась вода, и мы щетками и тряпками оттирали засохший навоз от шкуры, вытирали коров насухо, и только тогда их можно было доить. Эту странную мойку изобрела мать Георгия, ей нравилось выводить на поле чистых коров, как в рекламных роликах. После дойки по очереди две сестры уходили пасти стадо, а остальные выполняли различные послушания в скиту. Работа была тяжелая: таскать и пилить дрова для печки, обрабатывать грядки, разбирать завалы, лопатами и вилами откидывать навоз. В 11 была трапеза, дневная дойка, два часа отдыха и вторая трапеза. Потом коров выгоняли снова, а те, кто остался, чистили коровник и служили вечерню с утреней. Вечером – дойка, чай, послушания и в 22.00 отбой. Работать приходилось по тринадцать часов на жаре, спали пять-шесть часов в сутки. Хотя выдержать такой устав было тяжело, были и свои плюсы. Большую часть времени мы проводили на поле. Если коровы вели себя спокойно, там можно было помолиться, почитать, пособирать грибы или просто погулять. Иногда коровы убегали на колхозные клеверные поля или на мусорку, куда свозились со всей деревни гнилые яблоки. Тогда приходилось бежать за ними через всю деревню и гнать обратно. Иногда на этой мусорке можно было найти и вполне приличные яблоки, это был настоящий праздник. Одна сестра в таком случае отгоняла коров, а другая набирала яблоки и тащила их в скит. В жару пасти было очень тяжело, но когда пошли дожди, стало еще хуже. Со всех навозных куч потекли лужи, и по непролазной грязи уже невозможно было проехать с тачкой, приходилось носить ее буквально на руках. Сестер в скиту было немного: монахиня Георгия, старшая на коровнике, бабушка монахиня Евстолия, которая все время мучилась давлением, инокиня Киприана, я и еще две Маши, девчонки из монастырского приюта лет пятнадцати-шестнадцати, за что-то наказанные. Читать на поле у меня иногда получалось, и я брала у Маш книжки, художественные, в основном из школьной программы: Виктор Гюго, Достоевский, Островский, Пушкин и какая-то фантастика. Монашествующим сестрам и послушницам Матушка не благословляла читать никакую художественную литературу, только жития святых и наставления отцов, поэтому книжки приходилось прятать от сестер. Если бы меня кто-то застукал с такой книгой, мне и Машам сильно бы досталось.

Работать приходилось по тринадцать часов на жаре. Спали пять-шесть часов в сутки

Мать Киприана тоже придумала себе развлечение. Она взяла у Матушки благословение расчистить скит от хлама, построить беседку и посадить клумбы.

Доить коров она не умела, помогала только пасти и чистить навоз, а в остальное время занималась благоустройством скита. Из монастыря привезли электропилу, и мать Киприана начала распиливать гнилые доски и бревна на дрова, а мы складывали их возле забора. На расчищенном участке Киприана сложила из камней альпийскую горку и посадила на ней флоксы и герань. За домом решили выдрать бурьян и посадить газон и кусты. От коровника до дома она выложила дорожку из камешков. Очень трогательно смотрелись эти преобразования среди рядов картошки и необъятных навозных куч. Коровы постоянно норовили залезть на эту альпийскую горку или навалить кучу прямо на белой каменной дорожке, а из монастыря привозили каждую неделю целую газель с каким-нибудь хламом, который тоже нужно было где-то положить.

По воскресеньям мы ходили на службу в храм, а на праздники ездили в монастырь.

9

Через месяц к нам приехала монахиня Елисавета, монастырский уставщик и регент. Это была одна из самых любимых и верных Матушке сестер, высоченная, под два метра, худая, с прозрачной кожей, абсолютно белыми ресницами и бровями и длинными нервными пальцами. Ей было около сорока лет, но лицо, несмотря на морщинки, оставалось каким-то совсем детским. Я видела такое часто у сестер, которые попали в монастырь почти детьми и всю жизнь жили в послушании, отсекая свою волю во всем. Внутреннее состояние, как правило, тоже продолжало оставаться примерно на том же полудетском уровне. Они старели, не взрослея. Отсюда это повсеместное ябедничество и обидчивость, так свойственные детям. Этим сестрам это не казалось чем-то зазорным. У матери Николаи в окружении было около десяти таких «верных» сестер. Это были, как правило, те, кто прожил в обители десять-двадцать лет и успел неоднократно «доказать» свою верность. Уходили из монастыря в основном те, кто прожил здесь не более десяти лет, большей частью послушницы. Видимо, для тех, кто провел здесь основную часть своей жизни, как мать Елисавета, уход был уже невозможен. Чем больше времени человек живет в монастыре, тем труднее ему уйти, поскольку сама личность человека погружается в эту среду: с определенными эмоциями, убеждениями, мировоззрением, отношениями. Жизнь «в миру», если она была, постепенно забывается, становится чем-то нереальным. На занятиях и из книг сестра узнает, что весь предыдущий ее жизненный опыт был греховным, ведущим в погибель, а после прихода в обитель для нее начался путь спасения. Ее воля – греховна, доверять ей нельзя

ни в коем случае. Все сомнения и размышления нужно считать происками бесов, непрестанно нашептывающих монахам всякие непристойности относительно их наставника и устава монастыря. Слушать эти «помыслы» нельзя, их нужно отгонять от себя и исповедовать. Вообще любая умственная активность, кроме Иисусовой молитвы, считается в монастыре неприемлемой и даже греховной. Сестра учится доверять не себе и своему опыту, своему видению действительности, чуть было не приведшему ее в ад, а наставнику – Матушке. Считается, что такое недоверие себе во всем и является самым главным в спасении души. Это очень удобно: в таком состоянии человек легко поддается контролю – ему можно внушить все, что угодно, заставить исполнять любые «благословения» и оправдывать любые поступки своего наставника. Такая практика контроля тщательно маскируется духовной идеологией, оправдывается цитатами из Писания или святых отцов, часто вырванными из контекста. Недаром самыми ценными добродетелями в монастыре считаются безоговорочное послушание и преданность наставнику (интересно, что не Богу).

Во многих книгах о монашестве говорится, что послушание наставнику включает в себя все остальные христианские добродетели, другими словами: истинный послушник исполнил все заповеди. Также говорится, что на Страшном Суде за послушника будет нести ответ тот человек, которому он предал себя в послушание. Много внимания уделяется в святоотеческой литературе и тому, что послушание должно быть «слепым», без рассуждения: достаточно вспомнить лук, который сажали ученики одного старца вверх корешками, и который «за их послушание» отлично вырос. Причем, судя по многим книгам, особенно современным афонским, наставник совсем не обязан быть прозорливым, духовным или даже просто нормальным, здоровым человеком. Можно вспомнить святого Акакия из «Лествицы», которого его суровый наставник забил до смерти. Акакий не только получил спасение благодаря своему полному послушанию, но и спас душу своего наставника. В «Лествице» вообще много интересных моментов: там и темница с различными пытками, куда отправляли послушников на покаяние, и другие, более «мягкие» и утонченные издевательства над насельниками монастыря, которые им якобы помогают обрести смирение и спасение души. Эта книга так высокопарно и убедительно воспевает садизм игуменов и духовников над своими подчиненными, что является настольной книгой во всех монастырях, ее даже благословляют периодически перечитывать. В Кариже мы ее как раз слушали за трапезой на диске. Здесь тоже можно вспомнить елейно-приторную книжку старца Ефрема Катунакского «Блаженный послушник». Эта книга о жизни старца и послушника в отдаленном афонском скиту, нам всем Матушка раздала по экземпляру, с тем, чтобы мы учились настоящему послушанию:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kikot-_mariya/ispoved-byvshey-poslushnicy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить